

Когнитивно-эмоциональные особенности социально неблагополучных подростков и несовершеннолетних правонарушителей

Е.В. Пеунова, В.К. Солондаев

Пеунова Е.В., Солондаев В.К. Когнитивно-эмоциональные особенности социально неблагополучных подростков и несовершеннолетних правонарушителей // Рефлексивный подход к психологическому обеспечению образования. Сборник статей / Под общ. ред. А.В. Карпова, И.Н. Семенова, отв. ред. В.К. Солондаев – М. – Ярославль: «Ремдер», 2004. С. 150 – 168.

В психологии термины «социальная адаптация» – «социальная дезадаптация» в последние десятилетия используется довольно широко, в особенности относительно проблемы так называемых трудных подростков с отклоняющимся поведением, плохо поддающихся обучению, воспитанию с позиций социальных норм, законов функционирования общества. В литературе имеются исследования по выявлению особенностей формирования “асоциальной” личности [4, 5, 6], социально неблагоприятного развития потребностно-мотивационной сферы подростков-правонарушителей [9], измененной ценностной сферы, уклоняющейся от социальных норм [8]. Однако несмотря на имеющиеся материалы в психологии и психиатрии, мы не находим экспериментально обоснованных представлений о причинах, процессах и внутренних механизмах данного явления.

Имеется гносеологический анализ понятия адаптация [13], определяющий адаптацию как выражение единства внутреннего (организм) и внешнего (среда), сопоставляясь с понятием приспособления внутренней организации к внешним условиям, т.е. происходит некоторое отождествление понятий “организация” (как нечто внутреннее) и “адаптация” (как внешнее). Таким образом, в понятии “адаптация” отражена динамика многочисленных процессов взаимосвязей среды и индивида.

Цель нашей работы состоит в открытии и изучении той “психологической организации”, которая является взаимосвязанной с процессами социальной адаптации – дезадаптации, т.е. может быть как ее причиной, так и следствием, проявлением. Объяснение специфики данной взаимосвязи имеет важное практическое значение для педагогической и психокоррекционной работы с

такими подростками.

Для исследования когнитивно-эмоциональных особенностей нами изучалась индивидуальная система значений на материале некоторых предметных (денотативных) и коннотативных значений.

В качестве искомой “психологической организации” мы взяли категорию субъективного опыта (близкие по значению понятия – образ мира, субъективная модель мира), имеющего поуровневую организацию различного функционального назначения. К примеру, В.Ф.Петренко выделял уровни коннотативных и денотативных значений [10], Е.Ю.Артемьева – уровни предсмыслов, смыслов и личностных смыслов [1,2,3].

Очень важной представляется идея исследователей [1], о существовании внутри глубинных слоев образа мира амодальных семантических прототипов (универсалий), имеющих для всех представителей человеческого рода какой-то единый, адаптивный жизненный смысл. Так, у участников одной деятельности (у представителей разных профессий, разных профессиональных ориентаций, у испытуемых с разной психической патологией) формируется единая система значений и смыслов в структуре образа мира. Согласно Е.Ю.Артемьевой, эти универсалии обеспечивают эмоциональную подсознательную категоризацию объектов окружающего мира, это опорные точки образа мира, образующие некую основу для построения частных образов отношений к отдельным стимулам или ситуациям.

В динамике функционирования образа мира обнаруживаются два процесса: первоначально происходит эмоциональное отражение по эмоциональным признакам, категоризация по эмоционально-оценочным (субъективным) основаниям, которая постепенно все более усложняется. Далее происходит более тонкая дифференцировка в оценивании окружающего мира, иерархизованная (и по объективным, когнитивным признакам, и по субъективным), т.е. придание или объективного значения (формируется обобщенный представленческий образ), или субъективного смысла (субъективные, эмоциональные обобщения), неразрывно связанные между

собой.

Мы считаем, что существуют два процесса отражения и категоризации воспринимаемых предметов, явлений, событий: на основе когнитивных признаков и эмоциональных, взаимосвязь которых происходит на семантическом уровне образа мира (по Е.Ю.Артемьевой [1]). Эти процессы мы обозначили как “когнитивно-эмоциональные” особенности, различным образом проявляющиеся у субъектов разных видов деятельности и сходным образом у субъектов одной деятельности.

В рамках нашего исследования мы предположили, что социально адаптированные и дезадаптированные подростки имеют различные когнитивно-эмоциональные особенности при восприятии различных предметов, явлений окружающего мира, что будет свидетельствовать о их взаимосвязи с проявлениями социально адаптивного-дезаптивного поведения подростков.

Две экспериментальные группы испытуемых составили социально дезадаптированные подростки и несовершеннолетние правонарушители:

1. Экспериментальная группа I, состоящая из 40 несовершеннолетних правонарушителей (подростков 14-17 лет), проходящих по делам о кражах и об убийствах. Испытуемые обследовались в отделе судебно-психологической экспертизы Ярославской областной клинической психиатрической больницы.

Экспериментальная группа II, состоящая из социально дезадаптированных подростков – школьников (14-17 лет), учащихся 8-11 классов вечерних (сменных) школ г. Ярославля (50 человек) и учащихся специальных (коррекционных) классов VII вида в средних общеобразовательных школах г. Ярославля (25 человек). Контрольная группа (50 человек), к которой относятся социально благополучные подростки – учащиеся 8-11 классов средних общеобразовательных школ (с углубленным изучением иностранного языка), в которых методом экспертных оценок были выделены социально благополучные ученики.

В исследовании мы использовали методику пиктограмм, семантического

дифференциала, классификации, методику Розенцвейга.

В качестве стимульного материала использовались 15 слов. Список слов был составлен на основе предварительного пилотажного исследования, в котором участвовали взрослые испытуемые разного возраста и разной профессиональной ориентации. Первоначально испытуемым предъявлялось 35 слов, для запоминания которых они рисовали рисунки. Из них были отобраны только те слова, для которых взрослые испытуемые использовали сходные образы опосредования. Это дает нам основание считать, что отобранные таким образом слова имеют достаточно устойчивое предметное значение. В результате пилотажного исследования был составлен список из 15 слов разной эмоциональной окраски: семья, стихи, настроение, враг, удовольствие, настоящий друг, страх, родина, грех, школьная жизнь, опасность, свободное время, обман, закон, праздник.

Испытуемым предлагалось запоминать слова с помощью рисунков [11]. Фиксировалось объяснение испытуемым связи между нарисованной картинкой и словом.

В методике классификации давалась такая инструкция: «Из тех слов, которые мы недавно запоминали, тебе нужно будет составить группы так, чтобы каждую группу можно было охарактеризовать одним общим понятием, общим словом; количество групп и количество понятий в группе произвольно». Общий признак, выбранный испытуемым для каждой группы, фиксировался.

Во второй части исследования для изучения особенностей коннотативных значений воспринимаемого объекта (эмоционально-образного его аспекта) был использован семантический дифференциал. Данный метод использован в экспериментальных работах Е.Ю. Артемьевой [1, 2, 3] для изучения семантического уровня образа мира. Именно на семантическом уровне обнаруживается взаимосвязь эмоциональных и когнитивных компонентов (т.к. следы взаимодействия с модально воспринимаемыми объектами, явлениями, ситуациями, зафиксированы в форме эмоционально окрашенного отношения к ним.

С использованием семантического дифференциала Е.Ю.Артемяевой и ее учениками [1] экспериментально доказано существование единого семантического кода в структуре образа мира субъектов, обладающими общими психическими особенностями (к примеру, представители разных профессий, испытуемые с разной психической патологией). С помощью семантического кода обеспечивается сходство оценки предметов и событий. Т.е. люди с общими психическими свойствами (будь то поведенческий, когнитивный или эмоциональный уровень) имеют некий сходный «взгляд» на объекты и события (т.е. когнитивное сходство). Это когнитивное сходство неразрывно связано с системой отношений к этим объектам и событиям (общими эмоциональными особенностями).

Е.Ю.Артемяева экспериментально апробировала несколько семантических дифференциалов, включающих разное количество шкал. В нашей работе мы использовали следующий 8-шкальный семантический дифференциал:

1. приятный – противный
2. злой – добрый
3. молодой – старый
4. умный – глупый
5. трусливый – смелый
6. счастливый – несчастный
7. голодный – сытый
8. грязный – чистый.

Выбор 8-шкального семантического дифференциала был обусловлен особенностями социально неблагополучных испытуемых, которые имели большие трудности при работе с 14-шкальным семантическим дифференциалом, отказывались от задания, ссылаясь на усталость и нежелание работать.

В качестве стимульного материала мы использовали 5 ситуаций из методики Розенцвейга: 2 эго-блокинговые, в которых субъекта

непосредственно фрустрирует какое-либо личное или безличное препятствие (№1, №22) и 3 суперэго-блокирующие, в которых упрек, обвинение по отношению к субъекту исходит со стороны другого лица (№17, №16, №21). Испытуемым давалась следующая инструкция: «Сейчас мы посмотрим картинки. На каждой картинке нарисованы два или более человек. Один человек всегда изображен говорящим определенные слова другому. Тебе нужно сформулировать ответ, желательно, первый пришедший на ум. Не старайся отделаться шуткой».

После высказывания испытуемым ответа на ситуацию ему предлагалось оценить ее по 8-шкальному семантическому дифференциалу. Каждая шкала дифференциала предлагалась на отдельной карточке. Инструкция: «После того, как ты придумал ответ, тебе нужно из двух слов на этих карточках выбрать одно, которое, по твоему мнению, наиболее подходит к данной ситуации».

Дополнительно мы рассматривали анамнестические данные для каждого испытуемого, а в группе несовершеннолетних правонарушителей проводили анализ уголовных дел и результатов комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

3-м группам испытуемых (экспериментальная группа I – несовершеннолетние правонарушители, экспериментальная группа II – социально дезадаптированные школьники и контрольная группа – социально благополучные школьники) предлагалось оценить 5 ситуаций по 8 шкалам семантического дифференциала.

Для статистической обработки результатов (внутригрупповой согласованности оценок – выбора определенного полюса шкалы) использовался критерий «Хи-квадрат». Мы оценили внутригрупповую согласованность выбора полюса шкалы (значимые шкалы) по каждой отдельной ситуации и по всем 5 ситуациям в целом, которая в последнем случае определили общий семантический код – универсальные значимые шкалы при согласованном оценивании 5 ситуаций в целом. Результаты приведены в таблице 1.

Таблица 1.Согласованный семантический код ситуаций.

№ ситуации	Шкалы, по которым оценки испытуемых статистически достоверно согласованы ($p < 0,05$)		
	Эксп. гр. 1 (правонарушители)	Эксп. гр. 2 (соц. дезадапир.)	Контр. гр.
1	Противный Молодой Смелый Сытый Несчастный Грязный	Противный Смелый	Противный Добрый Молодой Смелый Несчастный Сытый Грязный
2	Противный Молодой Несчастный Чистый	Противный Молодой Смелый Чистый	Противный Добрый Молодой Глупый Смелый Несчастный Сытый Чистый
3	Противный Злой Молодой Глупый Несчастный Сытый Чистый	Противный Молодой Чистый Смелый	Противный Злой Молодой Умный Несчастный Грязный
4	Противный Злой Старый Смелый Несчастный Светлый Чистый	Молодой Смелый Чистый	Противный Злой Молодой Несчастный Голодный
5	Добрый Молодой Несчастный Сытый Грязный	Добрый Смелый Молодой	Приятный Злой Молодой Глупый Смелый Несчастный Голодный Грязный)
универсальный семантический код	Противный Молодой Сытый Несчастный	Смелый	Противный Злой Молодой Несчастный Грязный

В контрольной группе универсальный семантический код состоит из 5

значимых шкал. Это говорит о том, что социально благополучные испытуемые, переживая какую-либо ситуацию, формируют сходное отношение к ней. Это сходное отношение отражается, на семантическом уровне (в терминах Е.Ю.Артемяевой), дифференцируясь там по выявленным значимым шкалам. Всякую фрустрирующую ситуацию социально благополучные дети оценивают как противную, злую, несчастную, грязную (придавая ей тем самым отрицательный смысловой оттенок) и молодую (гностическая шкала).

Мы предполагали, что экспериментальная группа в целом, включающая социально неблагополучных школьников и несовершеннолетних правонарушителей, имеет сходный механизм функционирования коннотативных значений, одинаково рассогласованный и в экспериментальной группе 1, и в экспериментальной группе 2. Однако, как мы видим из таблиц 1 и 2, результаты оказались обратными. В группе несовершеннолетних правонарушителей, в отличие от социально дезадаптированных школьников, выявилось большее количество шкал, по которым испытуемые согласованно оценивали предлагаемые ситуации (для ситуаций 3 и 4 – 7 шкал, для ситуации 1 – 6 шкал, для ситуации 2 - минимальное количество значимых шкал - 4); в универсальный семантический код вошли 4 шкалы (в экспериментальной группе 2 – только 1 шкала).

Таким образом, механизм эмоционально-образного оценивания ситуаций (на уровне коннотативных значений) у несовершеннолетних правонарушителей оказался согласованным в отличии от социально дезадаптированных школьников. Более того, механизм функционирования коннотативных значений в группе несовершеннолетних правонарушителей оказался практически идентичным группе социально благополучных школьников не только в количественном отношении, но и в качественном. При оценивании ситуаций испытуемые экспериментальной группы 1 и контрольной группы выбирали в большинстве случаев одинаковые полюса шкал семантического дифференциала (таблица 1).

Социально благополучные подростки (контрольная группа), несмотря на

вид своей ответной реакции, т.е. несмотря на то каким способом они разрешают конфликтную ситуацию (направляя агрессию во вне, на себя или вовсе избегая ее), одинаково согласованно оценивают воспринимаемую ситуацию. Любую конфликтную ситуацию они оценивают как противную, злую, молодую, несчастную. В группе социально дезадаптированных школьников (экспериментальная группа 2) также не обнаружилось существенной разницы между семантическим оцениванием ситуаций в зависимости от направленности агрессии в ответе на нее (количество выявленных значимых шкал примерно одинаково – 2-3).

Различие было обнаружено только в группе несовершеннолетних правонарушителей (экспериментальная группа 1), которые более согласованно оценивают те ситуации, на которые дают внешнеобвинительную реакцию, т.е. «выливают» агрессию вовне, например, осуждают, обвиняют другое лицо, участвующее в ситуации (оценки согласованы по 7 шкалам, в сравнении с внешне- и самообвинительной направленностью агрессии – 3 шкалы). Любую фрустрирующую ситуацию они оценивают как противную, молодую, несчастную, сытую, а ситуацию, в которой дают внешне агрессивный ответ дополнительно как злую, глупую, смелую. Т.е. в данном случае выбираются в основном отрицательные полюса шкал, а в ситуациях с внутренне- и неагрессивными ответами – положительные или нейтральные по эмоциональной окраске шкалы (добрый, чистый, молодой).

Таким образом, в отличие от социально благополучных подростков, у которых формируется сходное отношение ко всем фрустрирующим ситуациям вне зависимости от выбранного способа поведения в них, у правонарушителей такое согласованное оценивание наблюдается только относительно тех ситуаций, к которым подбирается способ реагирования в форме осуждения, обвинения другого участника ситуации, отрицания своей вины и предъявления требований к другому человеку. Это может говорить о том, что у несовершеннолетних правонарушителей единый механизм коннотативного оценивания воспринимаемых ситуаций складывается в большей степени при

восприятию тех аспектов окружающей действительности, в отношении которых они могут проявлять активность, соответствующую микросоциальным нормам «своей» (криминализованной) среды (таблица 2).

Таблица 2. Зависимость согласованности оценок от типа реакции на ситуацию

Реакции	Испытуемые		
	Эксп.гр.1	Эксп.гр.2	Контр.гр.
Внешнеобвинительная	Противный Злой Молодой Глупый Смелый Несчастный Сытый (7)	Молодой Несчастный (2)	Противный Злой Молодой Несчастный Голодный Грязный (6)
Самообвинительный	Противный Чистый Несчастный (3)	Противный Смелый Чистый (3)	Противный Злой Молодой Несчастный Чистый (5)
Безобвинительный	Добрый Молодой Сытый (3)	Смелый Добрый (2)	Противный Молодой Смелый Несчастный Сытый Грязный (6)

Для изучения денотативных значений мы использовали метод пиктограмм, который требует включения мыслительных операций: так как круг значений слова шире, чем то, что можно обозначить рисунком, поэтому выбор определенного образа опосредования – результат мыслительного процесса. Итогом мыслительной работы является актуализация именно денотативных (предметных) значений, заданных в образной форме.

При обработке результатов мы использовали классификацию образов пиктограммы, предложенную Б.Г.Херсонским [12]. Результаты приведены в таблице 3.

Таблица 3. Характеристики образов опосредования испытуемых

факторы	Кол-во образов опосредования понятий (%)		
	Эксп.гр.1	Эксп. гр.2	Контр.гр.

1.фактор абстрактности			
конкретные	56	56	20
атрибутивные	30	34	47
метафорические	4	2	10
символы	10	8	13
2.фактор индивидуальной значимости			
формальные	58	61	51
индивидуально-значимые	42	33	49
3.фактор частоты выбора			
стандартные	93	99	72
повторяющиеся	5	1	16
оригинальные	2	-	12
4.фактор адекватности			
адекватные	98	96	100
неадекватные	2	4	-

1. По абстрактности образов опосредования.

Денотативные значения социально дезадаптированных школьников и несовершеннолетних правонарушителей являются в большинстве случаев конкретными, что характерно, по мнению Б.Г.Херсонского, для лиц с интеллектуальной недостаточностью и с низким образовательным уровнем. Такой результат вполне согласуется с анамнестическими данными: социально дезадаптированные подростки имеют (или имели до ареста) плохую успеваемость в школе, либо вовсе не были аттестованы по многим предметам. Однако у них также встречаются атрибутивные, и метафорические, и символические образы опосредования.

У социально благополучных подростков денотативные значения носят в большинстве случаев атрибутивный характер, они являются более абстрактными и требуют установления определенной логической связи между понятием и образом. Также в этой группе был обнаружен большой процент, по сравнению с другими 2-мя группами, метафорических и символических образов опосредования.

2. По фактору индивидуальной значимости.

Образы опосредования по данному фактору не обнаружили существенных различий в 3-х исследуемых группах. Испытуемые используют в

практически одинаковом количественном отношении и формальные образы опосредования, и индивидуально-значимые (взятые из личного опыта, наполненные личным эмоциональным отношением).

3. По фактору частоты выбора.

Б.Г.Херсонский выделяет в данном факторе следующие категории [12, с.42]:

1)стандартные образы – встречаются не менее, чем в одном из пяти протоколов;

2)оригинальные – встречаются реже, чем в двух из ста протоколов;

3)повторяющиеся – занимают промежуточное положение между двумя первыми.

В соответствие с данными критериями в нашем исследовании образ будет считаться оригинальным, если он встретится только у одного испытуемого, повторяющимся – у двух-четырех испытуемых.

Как мы видим из таблицы 3, оригинальные и повторяющиеся образы опосредования понятий выявлены в основном в группе социально благополучных подростков. Почти на каждое понятие они используют рисунки, не встречающиеся в двух других группах (см. таблицы 6,7,8). Например, для понятия “семья” – фрагмент из сказки “Три медведя”, дверь домой, солнце; “настроение” – буря, боксер, радио; “родина” – береза, русская печь; “грех” – дьявольский трезубец; “обман” – волшебная шляпа, пустая конфета. В группе социально неблагополучных школьников нет ни одного оригинального образа, принадлежащего одному человеку. В группе несовершеннолетних правонарушителей – только 2% (“стихи” – памятник, “настоящий друг” – гитара, треугольник, “свободное время” – лист и карандаш, “настроение” – мяч).

5. По фактору адекватности,

к которому относится пригодность выбранного образа для запоминания соответствующего понятия, содержательная связь образа и понятия, краткость изображения и объяснения .

Неадекватные образы опосредования были выявлены только в экспериментальных группах 1 (2%) и 2 (4%). У несовершеннолетних правонарушителей в первую очередь к ним относятся сверхабстрактные символы, в терминологии Б.Г.Херсонского, «выхолощенная символика» [12, с.48]. Например, на словосочетание «настоящий друг» изображают треугольник, на слово «семья» – круг. В данном случае испытуемые не могли объяснить связи между образом и словом и не воспроизвели слово. У социально неблагополучных школьников некоторые образы опосредования мы посчитали неадекватными в связи с их предметным содержанием: они являются социально искаженными (что специфично именно для этой группы). Например, на словосочетание «школьная жизнь» рисуют сигареты, вино (24%), на слово «удовольствие» – наркотики, вино, секс (32%). Используя такие образы опосредования, испытуемые при воспроизведении не могут вспомнить слово или делают ошибки, искажая значение.

При содержательном анализе образов опосредования в каждой из групп испытуемых нами была предпринята попытка реконструкции значения слов. При этом, конечно, не ставилось задачи полной реконструкции предметного значения, поскольку иногда было возможно определить лишь отдельные признаки. Частично результаты реконструкции приведены в таблицах 4-6.

Таблица 4. Результаты методики пиктограмм в экспериментальной группе 1 (правонарушителей).

Слово	Значение слова	Рисунки (образы опосредования)	Количество испытуемых (%)
семья	люди, связанные родственными связями, близкие друг другу	человечки (мама, папа, я)	73
		круг	20
		дом	7
стихи	написаны в книге, их читают	книга	40
		лист со строками	39
		памятник	7
		человек читает стихи	14
враг	плохой, злой, человек, хочет убить	человек бьет (убивает) другого	54
		пистолет	13

	или сделать больно	фашист	13
		знак анархии	13
		злое лицо	7
настоящий друг	человек, который помогает, которому я могу пожать руку	человек помогает в чем-либо (вытаскивает из ямы, деньгами)	47
		рукопожатие	26
		просто человек	13
		гитара	7
		треугольник	7
страх	человеку страшно, когда ему что-то угрожает, страх смерти и боли	испуганное лицо	40
		нападающий человек	27
		наколка	13
		смерть	7
		привидение, темнота	13

Таблица 5. Результаты методики пиктограмм в экспериментальной группе 2 (соц. дезадаптированных).

Слово	Значение слова	Рисунки (образы опосредования)	Количество испытуемых (%)
семья	люди (мама, папа, я), живущие вместе, рядом, в одном доме;	человечки	82
		дом	28
стихи	это строчки из книги, рифмованные, которые читают люди;	листы со строчками	76
		книга	12
		человек, читающий стихи	12
враг	это чужой, злой человек, который хочет убить или сделать больно;	злое лицо	46
		оружие (нож, пистолет)	31
		человек, наносящий удар	23
настоящий друг	это человек рядом, помогающий в чем-то (дает списывать, прикурить, деньги), это собака;	два человека рядом	27
		друг помогает	40
		собака	33
страх	это страх смерти, боли, угрозы жизни, отражается на лице;	лицо, выражающее страх	53
		нож, пистолет	20
		человек под машиной	27

Таблица 6. Результаты методики пиктограмм в контрольной группе.

Слово	Значение слова	Рисунки (образы опосредования)	Количество испытуемых (%)
семья	люди (мама, папа, я),	человечки в круге	78

	связанные родственными связями, единое целое, в семье могут быть радости и печали;	фотография	12
		“три медведя”	2
		измена в семье	2
		солнце	2
		дверь домой	2
		семья в лодке на отдыхе	2
стихи	их сочиняет поэт (Пушкин), это рифмованные строки на листе;	поэт (Пушкин)	47
		лист со строками	37
		о весне (цветок, птицы)	2
		перо и тетрадь	12
враг	чужой, злой, ненастоящий человек, хочет убить; иностранный шпион; преступник, причиняющий вред родине; и человек, причиняющий вред мне;	человек	20
		фашистский танк	30
		человек, наносящий удар	20
		шпион	10
		учитель	20
настоящий друг	это человек, которому доверяю, который делает что-то приятное, может выручить из беды; собака;	собака	35
		рисунок конкретного человека	15
		человек рядом	40
		человек дарит цветы	4
		человек спасает	6
страх	связан с пугающим существом, также страх смерти, выражается на лице;	испуганное лицо	35
		пугающее существо (медведь, нечистая сила)	49
		нож	2
		смерть	10
		ночь и гроза	2
		опасная ситуация (попадание под машину)	2

В экспериментальной группе 1 только 4 испытуемых использовали сходные образы опосредования для разных слов. Например, на слова «настроение» и «свободное время» рисовали солнце, цветы, гуляющего человечка, на слова «враг», «грех» – пистолет или человека с пистолетом. Однако, несмотря на такой маленький процент смешения образов опосредования и понятий у несовершеннолетних правонарушителей по сравнению с социально неблагополучными школьниками, при воспроизведении для них характерно упрощение значения или замещение его на семантически близкое, либо только повторение связи между словом и рисунком. Например,

«настроение» испытуемые экспериментальной группы 1 воспроизводили как радость, счастье, веселье; «враг» – вражда, горечь, человек, которого ненавидишь; «удовольствие» – гулять, развлечение, хобби; «настоящий друг» – лучший друг, просто друг, дружба, хорошие друзья; «родина» – я еду домой; «опасность» – угроза; «страх» – испуг; «школьная жизнь» – школа, школьная пора, жизнь в школе; «обман» – стыд (рисунок покрасневшего лица), вранье; «закон» – порядок, страдание. В экспериментальной группе 2 данный феномен выражен меньше: испытуемые делали ошибки при воспроизведении словосочетания «настоящий друг» (просто друг), «родина» (страна), путали слова «опасность», «враг», «страх» в связи с использованием сходных образов опосредования. Данные результаты также могут свидетельствовать о нечеткой дифференциации семантически близких слов в экспериментальных группах 1 и 2, то есть о недостаточной сформированности соответствующих когнитивных составляющих уровня образа мира.

При этом некоторые образы опосредования в экспериментальной группе 1 имеют специфические особенности. К примеру на слово «закон» испытуемые рисуют тюремную решетку, наручники, милицию (68%); «родина» ассоциируется с родным домом, дорогой домой (76%); на слово «страх» рисуют знаковые символы – наколка (один в четырех стенах); «враг» – знак анархии. Появление у несовершеннолетних правонарушителей подобных денотативных значений может быть следствием приобретения ими определенного криминального опыта и свойственного ему образа жизни в местах тюремного заключения.

Некоторые слова приобретают особую эмоциональную окраску лишь для испытуемых экспериментальных групп. К эмоционально положительно окрашенным словам относятся «семья», «родина», «праздник», «свободное время», «настоящий друг». Именно такими они были в рисунках и объяснениях контрольной группы. В рисунках экспериментальных групп обнаружился процесс нейтрализации эмоционального значения слова: в рисунке и объяснении испытуемого не проявляется эмоционального состояния,

связанного со словом, а происходит безэмоциональное его опредмечивание – нарушение когнитивно-эмоциональной связи. В экспериментальной группе 1 только у некоторых испытуемых и только для некоторых слов денотативное значение имеет эмоциональную окраску. Например:

«семья» для экспериментальной группы 1 – это родственники, близкие друг другу люди (50%); для экспериментальной группы 2 – люди, живущие рядом, в одном доме (100 %), а для контрольной группы – прежде всего разные люди, образующие целостность, любящие друг друга (90 %);

«настоящий друг» для экспериментальных групп 1 и 2 – человек, помогающий в чем-то (40 %), для контрольной – человек, которому верю, который делает мне добро (54 %);

«родина» для экспериментальной группы 2– страна с флагом, территория на карте (79 %), для контрольной – родной дом, родная земля (55 %), а для экспериментальной группы 1 – также прежде всего родной дом, «куда хочу вернуться» (54%);

«праздник» для экспериментальных групп 1 и 2 – это застолье с вином (51 и 58 %), для контрольной – веселье, радость, смех (60 %);

«свободное время» для экспериментальных групп 1 и 2 – время, когда делаю то, что хочу (87% и 100%), а в контрольной группе – радость, когда можно заняться любимым делом (92%).

Вследствие использования таких «поверхностных» образов опосредования при воспроизведении часто происходила замена слов, о которых мы говорили выше. Эти результаты подтверждают факт формирования особой микросоциальной группы с предкриминальным поведением, описанной ранее [4, 5] без экспериментального исследования когнитивно-эмоциональных механизмов ее формирования.

В результате классификации нам удалось проанализировать качественные особенности связи значений слов. Отметим вначале некоторые сходные особенности для всей выборки. В трех исследуемых группах выделились 2 кластера, разделяющих слова на эмоционально положительно и отрицательно

окрашенные. Однако внутренняя структура кластеров в группах несколько различна.

В контрольной группе наиболее тесно связаны слова «страх» - «опасность» и «обман» - «грех», слово «враг» семантически несколько отделено, еще более отделено «закон», т.е. оно меньше остальных понятий относится к классу «отрицательных» слов и выступает больше как нейтральное. В экспериментальной группе 1 «закон» является более отрицательно окрашенным словом, так как входит в кластер с другими отрицательно окрашенными словами «враг» и «опасность».

Эмоционально положительно окрашенные слова также выявили некоторые различия.

В контрольной группе выделились такие кластеры:

1. праздник, свободное время связано с удовольствием и замыкается на настроении;
2. семья, родина, настоящий друг;
3. стихи, школьная жизнь;

В экспериментальной группе 1 были выделены следующие кластеры:

1. родина, семья, школьная жизнь, настоящий друг;
2. удовольствие, праздник, свободное время и замыкающее настроение;

оба кластера замыкаются словом «стихи».

Конечно, практическое применение результатов проведенного исследования потребует тщательной доработки методик, некоторых специальных разработок, однако, полученные нами результаты позволяют уже сейчас дать несколько рекомендаций.

1. Поскольку социальная дезадаптация детей не определяет напрямую склонности к криминальному поведению, необходима специальная просветительская работа с педагогами. Эта работа должна быть направлена на изменение неявных установок педагогов по отношению к социально дезадаптированным детям, которых многие считают потенциальными

преступниками. Именно установки педагогов во многом определяют степень риска дальнейшей криминализации социально дезадаптированных детей.

2. Факт существования психологических различий между социально дезадаптированными детьми и несовершеннолетними правонарушителями указывает на необходимость точной психологической диагностики и дифференциации группы «трудных» детей на склонных к криминальному поведению и социально дезадаптированных. Используемые в исследовании методики позволяют решить эту задачу. Первоначально методики подбирались для решения исследовательских задач и не предназначались для индивидуальной диагностики, но в дальнейшем они могут быть адаптированы для диагностических целей.

3. В связи с обсуждавшимися выше различиями, при разработке коррекционных программ для социально дезадаптированных и для склонных к правонарушениям детей необходима четкая дифференциация целей коррекционного воздействия. Программы для социально дезадаптированных детей в отношении криминального поведения являются профилактическими и должны быть направлены на коррекцию недифференцированного и упрощенного восприятия окружающего. Программы для несовершеннолетних правонарушителей должны носить коррекционный характер в отношении криминального поведения; «мишенью» коррекционной работы должны быть личностные особенности (мотивационная сфера, направленность личности).

Итак, нам удалось экспериментально подтвердить предположение о существовании когнитивно-эмоциональных механизмов, которые лежат в основе социальной дезадаптации детей.

Устойчивость обнаруженных механизмов и их относительная независимость от уровня психического развития подтверждается сходными результатами в группе социально дезадаптированных детей со смешанным специфическим расстройством психологического развития (ЗПР) и в группе социально дезадаптированных детей, не имеющих нарушений развития. Кроме того, обнаружены значительные отличия социально дезадаптированных детей

от несовершеннолетних правонарушителей.

Основные выявленные особенности заключаются в следующем:

1. Социально дезадаптированные дети отличаются от своих благополучно развивающихся сверстников деструктурированным, беспорядочным восприятием окружающего. Оценки ими одних и тех же событий сильно различаются между собой, что говорит об отсутствии внутри этой группы устойчивой системы социальных представлений и социальных норм.

2. Значения, придаваемые социально дезадаптированными детьми различным социальным явлениям, стереотипны и имеют примитивное содержание, которое практически полностью сводится к оценке степени опасности явления.

3. Восприятие окружающего несовершеннолетними правонарушителями структурировано, упорядочено в такой же мере, как у их нормально развивающихся сверстников. Иными словами, несовершеннолетние правонарушители овладели устойчивой системой общепринятых социальных представлений и социальных норм.

4. Значения, придаваемые несовершеннолетними правонарушителями различным социальным явлениям, стереотипны и имеют упрощенное содержание, часто связанное с противоправными действиями.

5. Собственно противоправное поведение обусловлено не когнитивно-эмоциональными особенностями, а направленностью личности, т. е. особенностями мотивационной сферы, которые впоследствии приводят к вторичным изменениям в содержании (но не в структуре) образа мира.

В заключение еще раз подчеркнем, что выявленные когнитивно-эмоциональные особенности социально дезадаптированных детей необходимо рассматривать одновременно как причины и как психологическое проявление социальной дезадаптации. По своей сути эти особенности являются попыткой перевода на язык научной психологии понятия социальная дезадаптация, наполнением его конкретным психологическим содержанием. Конечно же, при этом социальная дезадаптация отнюдь не сводится к когнитивно-

эмоциональным особенностям, в это понятие необходимо включить и поведенческие, и когнитивно-стилевые особенности, и, возможно, ряд других психологических особенностей.

Литература

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. – М.: Наука, Смысл, 1999.
2. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. – М.: Изд-во МГУ, 1980.
3. Артемьева Е.Ю., Стрелков Ю.А., Серкин В.П. Описание структур субъективного опыта.// Мышление, общение, опыт. – Ярославль: Изд-во Яргу,1983. – с.99-108.
4. Башкатов И.П. Психология неформальных подростково-молодежных групп. – М., 2000.
5. Беличева С.А. Основы превентивной психологии. – М.: Соц. здоровье России, 1993.
6. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – М.: Просвещение,1968. – 462с.
7. Гоголева А.В. Аддиктивное поведение и его профилактика. – М.: Московский психолого-социальный институт,2002. – 240с.
8. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения. – М.: ТЦ Сфера, «Юрайт-М», 2001. – 160с.
9. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл,1999. – 486с.
- 10.Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. – Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. – 400с.
- 11.Рубинштейн С.Я. Экспериментальные методики патопсихологии и опыт применения их в клинике. – М.: «Медицина», 1970.
- 12.Херсонский Б.Г. Методы пиктограмм в психодиагностике. – СПб.: «Сенсор», 2000.
- 13.Философские проблемы теории адаптации / Под. ред. Г.И. Царегородцева. – М., 1975.- 277с.